

УДК 82

ОБРАЗ НАТАЛЬИ КЛИМОВОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ М. ОСОРГИНА И В. ШАЛАМОВА

© Сухих Ольга Станиславовна (2019), orcid.org/0000-0002-1670-880X, SPIN-code: 7270-9237, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), ruslitxx@list.ru

Рассматривается образ Н.С. Климовой в романах М. Осоргина «Свидетель истории», «Книга о концах», а также в рассказе В. Шаламова «Золотая медаль». Целью исследования становится сопоставление двух художественных концепций образа одного и того же реального исторического лица. Выявляются сходства в нескольких важных аспектах изображения героини. В частности, оба автора изображают ее как девушку с бурным темпераментом, сравнивая со стихией. Также авторы подчеркивают склонность героини к театральности, и если у М. Осоргина вживание Наташи в роль бесстрашной революционерки рассматривается как результат волевых усилий, то для В. Шаламова такое восприятие возможно только для «внешнего» сознания, но не для самой героини. Оба писателя останавливают внимание на неизменной трагичности закономерностей истории, разрушающей судьбы, и на неизбежности зарождения в человеке «революционного духа» в кризисные эпохи. Отмечаются также различия в подходе к изображению характера Н.С. Климовой. У М. Осоргина мировосприятие героини эволюционирует: открыв для себя онтологическую сущность мира, она разочаровывается в революционной борьбе, тогда как у В. Шаламова образ статичен в своей романтической яркости. Различны мотивировки действий героини: у М. Осоргина она стремится к незаурядному поступку, у В. Шаламова — к самопожертвованию на благо народа. Существенно также различие нравственных оценок деятельности героини: в романах М. Осоргина авторская оценка поступков Наташи амбивалентна, в то время как В. Шаламов даёт героине однозначно положительную оценку. Был сделан вывод о том, что перечисленные различия связаны с революционным опытом писателей и с их отношением к прошлому, символом которого стала для них обоим Н.С. Климова: если для М. Осоргина прежние идеалы обнаружили свою несостоятельность, то для В. Шаламова революция и ее герои навсегда сохранили романтический ореол.

Ключевые слова: Наталья Климова, «Письмо перед казнью», политический терроризм, революция, нищезанятость, закономерности истории.

Наталья Сергеевна Климова (1885—1918) была членом партии эсеров-максималистов, участвовала в террористической деятельности, в частности, в покушении на П.А. Столыпина на Аптекарском

острове в 1906 г. Была приговорена к смертной казни, которую заменили бессрочной каторгой. Стала организатором побега тринадцати каторжанок из женской тюрьмы в 1909 г., выехала за границу. Эта яркая личность является героиней романной дилогии М. Осоргина «Свидетель истории» (1932 г.) и «Книга о концах» (1935 г.), а также рассказа В. Шаламова «Золотая медаль» (1966 г.).

В авторском предисловии к роману «Свидетель истории» М. Осоргин пишет, что в его произведении большинство героев не имеют конкретного прототипа, это образы собирательного плана, но один из персонажей является историческим лицом — имеется в виду главная героиня Наташа Калымова, прототипом которой и стала Н.С. Климова. В. Шаламов в начале рассказа «Золотая медаль» приводит выдержку из судебного приговора Н.С. Климовой, где прямо названо её имя, т.е. авторская установка на документализм проявляется сразу, и у читателя нет сомнений в том, что речь ведётся о реальном человеке. Обоих писателей привлекли незаурядный характер и интересная судьба Н.С. Климовой, однако в их концепциях образа героини есть как сходства, так и различия.

Говоря о **сходствах**, прежде всего стоит отметить, что оба автора акцентируют внимание на *бурном темпераменте* своей героини. М. Осоргин создаёт образ красивой, жизнерадостной рязанской девушки — олицетворение русской провинции, с её живыми силами, близостью к природе, желанием жить и наслаждаться всеми радостями бытия. Символическим выражением характера героини может служить частушка, которую она поёт: «Дайте ходу пароходу, натяните паруса...». Вся суть её личности — это молодой задор, удаль, широкий размах и мощь во всём: в чувствах, действиях, порывах. Так же воспринимает Н.С. Климову автор рассказа «Золотая медаль», который характеризует её с помощью таких метафор, как «бешеная кровь», «девятый вал». Интересно, что в обоих произведениях героиня ассоциируется с образом мощной и высокой волны: М. Осоргин описывает, как Наташа на лодке бесстрашно качается на крутых волнах, идущих от парохода, а В. Шаламов пишет, что Наталья Климова была «человеком девятого вала», причём это повторяется в рассказе дважды. В представлении обоих писателей героиня олицетворяет собой *стихию*, которая порождена самой *природой*, её *свободой и силой*, не случайно Наталья обладает глубоким чувством природы и всегда ощущает

связь с рязанскими лесами, лугами, Окой — этот мотив тоже присутствует и у М. Осоргина, и у В. Шаламова.

Стремление героини к сильным впечатлениям, яркой жизни сочетается в ней с определённой склонностью к театральности. В романе М. Осоргина «Свидетель истории» выражена мысль о том, что у революционеров-террористов, готовых как убивать, так и умирать, было *ощущение нереальности происходящего*: «Снова у каждого промелькнула своя — и все-таки общая — дума о том, что это не подлинная жизнь, а очень страшная и ничем не оправдываемая сказка, навязчивый сон» [Осоргин]. Наташа в тюрьме, ожидая казни, как бы *входит в роль* непреклонной и бесстрашной романтической героини и не позволяет себе от этой роли отступить: «Она не дала занавесу опуститься, — иначе в полутемной камере заметалась бы в смертельной тоске молодая рязанская девушка, приговоренная к смерти. Сейчас над листами бумаги склонилась голова героини, стойкой террористки, которая расстается с жизнью без страха и с улыбкой» [Осоргин]. Речь идёт о «Письме перед казнью», которое действительно было написано Н.С. Климовой в камере в ожидании исполнения приговора. В этом письме выразилось алогичное и поразительное **сочетание любви к жизни и полного отсутствия страха перед смертью**: «И даже нет сожаления жизни, а между тем, я страшно люблю ее, и только теперь я познала такие ее красоты, о которых и не снилось раньше — точно смерть есть одна из фаз жизни» [Климова]. В художественной концепции М. Осоргина это письмо — плод **разума, но не чувств** героини, которая хочет в памяти своих товарищей остаться воплощением духовной силы, поэтому скрывает, загоняет в глубь своей души собственный ужас перед развешивающейся бездной. Наташа, пишущая «Письмо перед казнью», воспринимается автором — и это восприятие соответственно передаётся читателю — как своеобразный двойник реальной Наташи, живущей в этот момент естественными эмоциями. В художественной реальности как будто разыгрывается театральная сцена, в которой героиня силой воли подавляет вполне объяснимый страх и исполняет взятую на себя трудную роль. В рассказе В. Шаламова тоже присутствует *мотив игры, театральности*: «...мистерия, где революционеры играли на театре кинжала и шпаги...» [Шаламов]. Однако здесь деятельность революционеров выглядит «мистерией» *для воспринимающего сознания*, для человека, который смотрит на револю-

цию с высоты исторического времени, и ему всё это представляется больше похожим на красивую, романтическую пьесу, чем на реальность. Мысли о том, что сама Н.С. Климова сознательно, волевым усилием играла роль своего героического двойника (как в романе «Свидетель истории»), у В. Шаламова нет.

Общим для произведений М. Осоргина и В. Шаламова является *мотив осмысления закономерностей истории и взаимоотношений человека с ней*, и этот мотив взаимосвязан с образом героини. В романе «Свидетель истории» есть авторское философское отступление на эту тему. Естественно, что многим эмигрантам первой волны утраченное прошлое могло представляться потерянным раем в сравнении с трагическим настоящим (сравним, например, «Лето Господне» и «Солнце мёртвых» И. Шмелёва). Подобный взгляд на смену эпох опровергает в своём романе М. Осоргин, считающий, что история *всегда* жестока к личности – так было и в прошлом, и в настоящем: «... лишь перетасована колода тех же самых карт и короб человеческих страданий, иначе уложенных и умятых, по-прежнему полон» [Осоргин]. В. Шаламов тоже пишет о трагических закономерностях истории, которые не меняются на протяжении времён: «На алтарь победы приносят детей. Такова древняя традиция. Климовой был 21 год, когда ее осудили» [Шаламов]. Судьба Н.С. Климовой в обоих случаях становится **конкретным примером того, как личность оказывается в водовороте истории** и поглощается им.

Историческая эпоха, революционная ситуация порождают в человеке стремление к борьбе, ненависть к власти имущим, готовность убивать и умирать. Эта мысль тоже сближает произведения М. Осоргина и В. Шаламова. В романе «Свидетель истории», в сценах, изображающих революцию 1905 г., подчёркивается, что для интеллигенции было естественно поддерживать мятежные настроения, считать бунтующих и борющихся «своими». Более того, даже надзирательница в порьме сочувствует каторжанкам, понимая, что они боролись за лучшее будущее народа. А в финале романа мы видим, как «бесприходный поп» отец Яков предупреждает скрывающуюся Наташу об опасности, стремясь спасти её, хотя и знает о её участии в террористических актах. Из России ей помогает выехать случайный знакомый, хотя догадывается, что её разыскивают власти. М. Осоргин показывает такую социальную ситуацию, когда

противостояние государству расценивается обществом не как преступление, а как выражение высокой нравственной позиции, поэтому помощь революционеру, пусть даже террористу, воспринимается как моральный долг. Это определяет дух эпохи, сущность революционной ситуации, а эпоха, в свою очередь, порождает такие фигуры, как Наташа, Олень. Об этом же говорит в своём рассказе В. Шаламов, но выражает эту мысль не в сюжетном воплощении, а в форме метафорической авторской декларации: «Что делает человека выше ростом? Время». Суть же эпохи он определяет так: «Жертвенность столетия, нашедшего в сочетании слова и дела высшую свободу, высшую силу» [Шаламов]. С другой же стороны, само неумолимое течение времени враждебно по отношению к личности: даже герои постепенно канут в лету – таков закон взаимоотношений человека и времени. И лишь **художественное слово**, с точки зрения В. Шаламова, может стать способом борьбы с этой несправедливой закономерностью: «И если время хочет потерять имя Климовой – мы поборемся со временем» [Шаламов]. Романы М. Осоргина являются тоже своего рода монументом людям ушедшей эпохи, способом оживить память о них: «Все проходит – остаются книги» [Осоргин]. Итак, как мы видим, сходства художественных концепций произведений, написанных с тридцатилетним интервалом, весьма существенны.

Различия в осмыслении характера и судьбы Н.С. Климовой в произведениях М. Осоргина и В. Шаламова можно отметить на разных художественных уровнях. Прежде всего, они заметны в *принципах построения сюжета*. Романский замысел М. Осоргина предполагает повествование о жизни героини в целом, о её судьбе, со всеми её перипетиями. Замысел же рассказа В. Шаламова состоит в том, чтобы показать яркий поступок Н.С. Климовой и основные из тех факторов, которые к нему привели. Причём начинается повествование сильным, впечатляющим «аккордом»: «Вначале были взрывы...» [Шаламов]. Участие героини в революционном движении воспринимается как вершина её истории (не случайна аналогия с известной библейской фразой: «Вначале было слово»), а вся предшествующая жизнь – как путь к этой вершине, хотя он и не рассмотрен в подробностях: рамки малой прозы этого не подразумевают. Судьба же этой женщины после тюрьмы и побега не прослежена вовсе – вероятнее всего, потому, что по сравнению со «взрывами», с

яркими событиями революционной борьбы это был уже определённый «спад».

Различия можно отметить также в *способах проявления авторского начала*. В романах М. Осоргина повествование от 3 лица позволяет автору дистанцироваться от персонажей, его позиция по отношению к ним, в частности к главной героине, выражается через целую систему художественных средств, в которую входят и построение сюжета, и антитезы, и несобственно-прямая речь и т.д. В рассказе В. Шаламова нарративный принцип иной. Повествование от 1 лица способствует яркому выражению лирического начала, отчётливо проявляется восторженное отношение к характеру и поступкам Н.С. Климовой. Рассказчик становится одним из персонажей произведения, что подчёркивает духовную близость его и героини. Он ощущает связь с её эпохой, с её жизнью через пространственные детали. Переулки, здания — всё это «свидетели истории» (воспользуемся выражением М. Осоргина), с помощью которых рассказчик общается с прошлым: «Я угадываю, я повторяю движения людей, всходивших на эти же ступени, стоявших на тех же уличных перекрестках, чтобы ускорить ход событий, поторопить бег времени. И время сдвинулось с места» [Шаламов]. Лирическое «я» проявляется в комментариях и обобщениях, в прямых характеристиках героини, в отношении к её «Письму перед казнью»: «Здесь происходит глубокое вчувствование в самую «материю» человеческого документа» [Ничипоров].

Пожалуй, одно из самых серьёзных различий в художественном осмыслении М. Осоргиным и В. Шаламовым образа героини связано с вопросом об *эволюции её мировосприятия*.

В романе «Свидетель истории» духовная эволюция Наташи Климовой завершается отказом от революционной борьбы. Нельзя сказать, что она становится противницей революции, но прежняя её увлечённость поэзией бунта уходит. Когда героине открывается огромный, живущий собственными вековыми законами мир природы, она начинает понимать, насколько мелко всё, что имеет отношение к политике, по сравнению с внутренней жизнью мироздания и человека как его части: «И в первый раз с полной ясностью Наташа понимает, что ее молодость была погоней за ничтожным, незначущим и ненужным. <...> этот бескрайний край хотят осчастливить, обнеся его точными границами, назвав его государством, посадив

над ним правителей, дав ему парламент...» [Осоргин]. Слияние с миром природы приводит Наташу к буддистскому мироощущению, к нирване. И она уже чувствует, что любая политическая программа — это нечто надуманное, не имеющее отношения к сути жизни, к бескрайнему миру и его законам, а свою прежнюю деятельность оценивает как наивность, как ошибку, сделанную из-за недомыслия, из-за непонимания самого онтологического существа мира: «Как странно, что ни она, Наташа, ни Олень, никто из их друзей и их врагов об этом не подумали! Может быть, тогда они не захотели бы умирать и убивать...» [Осоргин].

В рассказе В. Шаламова *нет такой духовной эволюции героини, её образ статичен в своей романтической яркости*. С одной стороны, это связано с жанровой природой произведения: если М. Осоргин создал роман, предполагающий историю характера персонажа, то В. Шаламов пишет рассказ, даже, пожалуй, точнее будет сказать: лирически окрашенную зарисовку. С другой же стороны, дело *не только в жанре, но и в авторской позиции* по отношению к героине. Для В. Шаламова принципиально важно показать возвышенное, героическое начало, которое не должно быть снижено мотивом разочарования и отхода от прежних идей. Автор ассоциирует этот героический ореол с молодостью, которая не щадит себя: «Для разочарования в бомбах у них не было времени — все террористы умирали молодыми» [Шаламов].

У М. Осоргина во второй части дилогии — «Книга о концах» — Наташа уже не испытывает прежнего страстного желания участвовать в революционной борьбе. Она соглашается вступить за границу в боевую группу только от безысходности, не видя другого пути и другого смысла жизни, как бы плывя по течению. А в рассказе В. Шаламова читатель видит, что Н.С. Климова после побега, оказавшись за границей, по собственной инициативе ищет участия в делах новой боевой группы. Говоря о том, что стремление к борьбе и к террористической деятельности в Н. Климовой не угасло, В. Шаламов, вероятно, более близок к исторической правде, поскольку опирается на воспоминания М. Чернавского (соратника Б. Савинкова), согласно которым Н. Климова сама искала связей с подпольем, хотела вновь бороться за революционные ценности путём террора. М. Осоргин, в отличие от В. Шаламова, скорее всего, отдаёт дань художественному вымыслу, и не случайно он так поворачивает судьбу

героини: писатель передаёт ей свое мироощущение, эволюцию собственного отношения к революции.

Существенно также *различие нравственных оценок* деятельности героини в произведениях двух авторов. Это связано с расхождением в понимании *мотива поступков* Наташи Калымовой у М. Осоргина и Н.С. Климовой у В. Шаламова.

В романе «Свидетель истории» недвусмысленно показано, что основная причина участия Наташи в деятельности боевой группы заключается не в желании изменить жизнь России, народа, а в *стремлении к яркому, незаурядному поступку*. Революцию она воспринимает как «красоту борьбы неравной» [Осоргин]. В 1905 году во время боёв на Пресне она без сомнений называет революционеров «наши» и вступает в борьбу на их стороне, потому что хочет быть «с сильными духом — против сильных оружием», «с бунтом против “порядка”» [Осоргин], для неё «чувство победы — почти наслаждение искусством» [Осоргин]. В финале романа Наташа размышляет о том, что в революционной среде априори принято было считать, будто борьба идёт за счастье народа, за благо России, — её же, по сути, никогда не интересовали ценности такого порядка, её привлекали риск, смелая игра со смертью, поэзия борьбы. Она последовательница ницшевского Заратустры, а не народнической интеллигенции. А в рассказе «Золотая медаль» Наталья Климова представлена как борец именно *за народ, за новую жизнь страны*. Эпоху рубежа XIX–XX веков, которая сформировала такое мировоззрение, В. Шаламов считает временем небывалой высоты как культуры, так и нравственного духа, и, с его точки зрения, эти ценности претворились в революционной борьбе: «Все, что накопил великий XIX век нравственно важного, сильного, — все было превращено в живое дело, в живую жизнь, в живой пример и брошено в последний бой против самодержавия» [Шаламов]. В его рассказе доминанта характера героини — это жертвенность, доходящая до самоотречения. Именно эта жертвенность, по мнению В. Шаламова, влекла за собой способность революционеров, подобных Н.С. Климовой, пожертвовать и чужими жизнями, поскольку они не видели иного реального пути к изменению жизни страны, а на меньшее они были не согласны: «Нравственные требования и самоотверженность были столь велики, что лучшие из лучших, разочаровавшись в непротивлении, переходили

дили от «не убий» к «актам», брались за револьверы, за бомбы, за динамит» [Шаламов].

Поскольку различны мотивировки действий персонажей М. Осоргина и В. Шаламова, то различно и *отношение к их последствиям*. М. Осоргин описывает взрыв на Аптекарском острове, в подготовке которого участвовала и Наташа, при этом писатель не обходит нравственный аспект произошедшего: само упоминание о количестве жертв, в том числе детей, становится средством выражения авторской оценки происходящего. Даже Наташа, которая вообще считает насилие одним из законов природы, в какой-то момент утрачивает хладнокровие и ощущает стремление хоть чем-то помочь другой Наташе — искалеченной взрывом дочери Столыпина. В романе М. Осоргина это единственный случай, когда героиня жалеет жертву террористического акта, в целом же она весьма спокойно относится к гибели других, как, впрочем, и к возможности собственной гибели. В биографической книге Г. Кана о Н.С. Климовой говорится — с опорой на воспоминания современников и письма самой Климовой — о том, что она серьёзно переживала, зная о неизбежности безвинных жертв, тогда как её муж и соратник М. Соколов хладнокровно обрекал людей на гибель [Кан, 2012]. В романе М. Осоргина ситуация противоположная. Муж Наташи Алексей, по прозвищу Олень, хотя и сдержанно, но сожалеет о предстоящих жертвах террористического акта: «Несколько раз его взгляд останавливался на грузной фигуре известного профессора-либерала. "Этот напрасно погибнет — но что же делать!"» [Осоргин]. Сама же Наташа «жалости к убитым не испытывала» [Осоргин], считая их гибель равноценной платой за гибель своих товарищей — террористов-смертников. Образ героини М. Осоргина *соткан из противоречий*: она не жалеет убитых людей, но она же рискует жизнью, пытаясь спасти утопающего (в романе «Книга о концах»), она любит жизнь всей душой, но готова пойти на смерть сама и отправить в этот же путь других, в том числе своих соратников. Поэтому не удивительно, что и авторская оценка героини *амбивалентна*: насколько подкупает смелость Наташи, настолько же пугающим является её спокойное отношение к убийству.

В. Шаламов в своём рассказе даёт героине однозначно положительную, даже восторженную оценку. При этом он фиксирует внимание читателя на том, что она добровольно рисковала собой и не

страшилась гибели. Говоря о боевой деятельности Н.С. Климовой, он строит повествование таким образом, что участие её в террористических актах обозначается словами-маркерами «динамит», «бомба», т. е. упоминаниями об орудиях террора. Однако в рассказе *нет ни слова о жертвах террористов* – этот аспект действий Н.С. Климовой автор отмечает совершенно, поскольку он неизбежно привёл бы к постановке нравственных вопросов, которые, очевидно, изменили бы тон рассказа, образ героини, саму авторскую интенцию. Писателю важно не раскрыть все противоречия характера, поступков, мотивировок действий персонажа, а выдвинуть на первый план то, что он считает главным, – *самопожертвование*.

Эта поэтизация образа и героической деятельности Н.С. Климовой, вероятно, связана с отношением самого писателя к революции, которую он воспринимал как время возвышенного подвига: «Шаламов считал, что книга о Климовой должна рассказать о величии трагедии революционного и послереволюционного поколений, задать нравственный образец...» [Соловьёв]. Символом этих поколений для В. Шаламова стала не только Н.С. Климова. В его рассказах изображается также А.Г. Андреев, тоже эсер-максималист по своим политическим взглядам и террорист по характеру деятельности. Он появляется в рассказах «Левый берег», «Первый чекист», в повести «Бутырская тюрьма», причём этот человек отмечен особой мудростью и моральным превосходством над окружающими. Несмотря на то что он занимался террором, он вызывает у автора уважение, граничащее с восхищением. Как пишет в своём исследовании Е. Волкова, в Андрееве и подобных ему людях Шаламов ценит жертвенность, бескорыстие, отсутствие страха смерти [Волкова, 1998]. Не случайно писатель в рассказе «Золотая медаль» говорит, что террорист Михаил Соколов, который был мужем Н.С. Климовой, увлёк её *к славе, к жертвенному подвигу*.

С точки зрения В. Шаламова, история несправедлива по отношению к таким героям: она постепенно приглушает память о них, писатель же в своём стремлении воскресить память о героине создаёт произведение, закрепляя в художественном слове её образ. Символично, что рассказ входит в цикл «Воскрешение лиственницы»: в нём одной из важнейших становится тема памяти, воскрешения прошлого. Название рассказа – «Золотая медаль» – тоже несёт в себе глубокий смысл. «Что же осталось от этой страстной жизни? Только

школьная золотая медаль в кармане лагерной телогрейки старшей дочери Натальи Сергеевны Климовой» [Шаламов], — т. е., с одной стороны, перед нами *фактическая деталь*: дочь героини хранила золотую медаль матери как память о ней, но вынуждена была продать её, чтобы выжить. Правда, по мнению Н.И. Столяровой — дочери Н.С. Климовой, передана эта история в рассказе искажённо, она просила В. Шаламова этот эпизод изменить в соответствии с действительными фактами, но «Шаламов на компромисс не пошел. Для него, в соответствии с принципами «новой прозы», было важнее показать не деталь, но картину, возвышающуюся до обобщения, до трагедии, до символа» [Соловьёв]. Действительно, в финале рассказа звучит трагическая нота: *настоящее оказывается важнее прошлого*, возможность выживания — потребность более насущная, чем сохранение памяти. Но если ограничиться только этим пониманием, то смысл названия произведения окажется искажённым. В название вложена и другая важная для автора мысль: золотая медаль — это и *символ признания заслуг* героини, высоты духа, отличия от массы. Сам рассказ В. Шаламова — это «золотая медаль» героине, символическая награда за самоотречение и смелую борьбу. Повествование о ней ведётся на высокой ноте.

В целом, изображая характер и судьбу героини, М. Осоргин остаётся в русле традиций реализма, анализируя соотношение характера и обстоятельств, рассматривая психологию Наташи, со всеми её противоречиями, высокими и низкими чертами. Что же касается В. Шаламова, то в его произведении можно отметить романтизацию героини, образ которой явно несёт в себе черты идеала — свободного дерзания, поднимающегося над социальными обстоятельствами, так сказать «отблеск костра» революции (если использовать выражение Ю.В. Трифонова). Чем объясняется различие в подходах к образу героини? Можно предположить, что различием отношения писателей к революции, ведь именно с революционной борьбой ассоциируется образ этой женщины для них обоих. Оба когда-то исповедовали революционные идеалы: М. Осоргин был членом партии эсеров, В. Шаламов преклонялся перед предшественниками эсеров — народолюбцами, поддерживал троцкистские идеи. Впоследствии же М. Осоргин стал относиться к революции иначе: «Но чувство не могло никогда оправдать возврата к организованному насилию <...> Менять рабство на новое рабство — этому не стоило отдавать свою

жизнь» [Осоргин, 1992, с. 568]. Для писателя «идеалистические представления о революции разбились о реальность. Подобное видение происходящих событий было замечательно выражено М.А. Осоргиным...» [Урвилов, 2009, с. 288]. Это вызвало «переоценку ценностей» в сознании, и то, что раньше воспринималось как подвиг, впоследствии стало видеться как трагическая ошибка – путь к тому, чтобы «убивать и умирать». Отсюда и противоречивость образа Наташи Калымовой, и мотив её разочарования в прежней деятельности. Автор же рассказа «Золотая медаль», при всём его последовательном антисталинизме и трагическом личном опыте, сохранил в своей душе «отблеск костра», видение революции как высокого момента, поэтизацию борьбы за новое, не удивительно его утверждение: «Я был участником огромной проигранной битвы за действительное обновление жизни <...> все человеческие решения были испытаны великой пробой <...> для нас же это было воздухом, которым мы дышали, веря в новое и отвергая старое» [Шаламов, 2005, с. 432]. Как пишет о Варламе Шаламове М. Рыклин, «он остался человеком 20-х годов: показывая чудовищность сталинского лагерного мира, он отказался осудить коммунистический проект как таковой. Похоже, он, как и многие его западные современники, видел в революции несдержанное мессианское обещание, великое упование...» [Рыклин, 2008]. Кроме того, в рассказе В. Шаламова концептуально важна антитеза прошлого и настоящего, поколений начала века и его середины – в духе восклицания лермонтовского героя: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя...». Рассказ проникнут чувством глубокого сожаления о том, что история похоронила героев, ушла великая эпоха вместе с великими людьми. Отсюда – романтизация героини-революционерки, односторонность её образа, исключая тему нравственной ответственности за «кровь по совести». Итак, образ реального исторического лица – революционерки и террористки Н.С. Климовой – приобрёл для М. Осоргина и В. Шаламова *знаковый смысл*, и его восприятие было для каждого из писателей связано с прежним революционным опытом и отношением к нему.

Источники

1. Климова Н.С. Письмо перед казнью. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_808.html (дата обращения: 21.07.2016).

2. *Осоргин М.* Времена. — Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1992. — 608 с.
3. *Осоргин М.А.* «Свидетель истории». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/book/osorgin_mihail/svidetel_istorii.html (дата обращения: 10.07.2016).
4. *Шаламов В.* Золотая медаль. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://shalamov.ru/library/5/22.html> (дата обращения: 25.07.2016).
5. *Шаламов В.* Штурм неба // Шаламов В. Собрание сочинений. — Т.4. — Москва: Терра, 2005. — С. 432.

Литература

1. *Волкова Е.* Трагический парадокс Варлама Шаламова. — Москва: Республика, 1998. — 176 с.
2. *Кан Г.С.* Наталья Климова: Жизнь и борьба. — Санкт-Петербург: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. — 392 с.
3. *Ничипоров И.Б.* «Проза, выстраданная как документ»: колымский эпос В. Шаламова. — Режим доступа: <http://www.litra.ru/critique/get/crid/00249901286819627116/> (дата обращения: 18.07.2016).
4. *Рыклин М.* Клеймённый, но не раб // Рыклин М. Свобода и запрет. Культура в эпоху террора. — Москва: Логос, Прогресс-Традиция, 2008. — С. 19-32. — Режим доступа: http://www.booksite.ru/varlam/creature_02.htm (дата обращения: 18.07.2016).
5. *Соловьёв С.* «Повесть наших отцов». Об одном замысле Варлама Шаламова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://shalamov.ru/research/262/> (дата обращения: 19.07.2016).
6. *Урвилов В.А.* Оппозиция «прошлое-настоящее» в романе В.В. Вересаева «В тупике» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2009. — № 5. — С. 286–292.

NATALIYA KLIMOVA'S IMAGE IN THE LITERARY INTERPRETATION BY MOSORGIN AND V.SHALAMOV

© **Sukhikh Olga Stanislavovna (2019)**, Doctor of Philology, associate professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), ruslitxx@list.ru

The author analyzes the image of N.S. Klimova in M. Osorgin's novels "The Witness of History", "The Book of Ends", as well as in the story "Golden Medal" by V. Shalamov. The purpose of the study is to compare two artistic concepts of the image of the same real historical person. Similarities are revealed in several important aspects of the image of the protagonist. In particular, both authors portray her as a girl

with a stormy temperament, comparing it with the force of nature. The authors also emphasize the protagonist's tendency to melodramatize, and while M. Osorgin sees Natasha's growing into the role of a fearless revolutionary as a result of internal efforts, V. Shalamov thinks that this perception is possible only for the "external" consciousness, but not for the protagonist herself. Both writers focus their attention on the unchanging tragedy of the laws of history, which destroy lives, and on the inevitability of the birth of a "revolutionary spirit" in a person during crisis periods. There are also differences in the approach to the image of the personality of N.S. Klimova. M. Osorgin shows the evolution of the protagonist's worldview: having discovered the ontological essence of the world, she is disappointed in the revolutionary struggle, whereas V. Shalamov maintains her image intact in its romantic brightness. The motivations of the protagonist's actions are different: for M. Osorgin, she strives for an extraordinary act, for V. Shalamov – for self-sacrifice for the benefit of the people. The difference in moral evaluations of the protagonist's activity is also significant: in M. Osorgin's novels, the author gives an ambivalent assessment of Natasha's actions, while V. Shalamov gives the protagonist an unambiguously positive evaluation. Therefore, we can conclude that these differences are associated with the revolutionary experience of the writers and their perception of the past, the symbol of which they both see in N.S. Klimova: while M. Osorgin eventually finds the inconsistency in the old ideals, V. Shalamov keeps perceiving the revolution and its heroes in the romantic aura.

Keywords: Natalya Klimova, «letter before execution», political terrorism, revolution, Nietzscheism, the laws of history.

Sources

1. *Klimova N.S.* Pis'mo pered kazn'yu. – Available at: http://scepsis.net/library/id_808.html. (In Russ.)
2. *Osorgin M.* Vremena. – Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo, 1992. – 608 s. (In Russ.)
3. *Osorgin M.A.* «Svidetel' istorii». – Available at: http://royallib.com/book/osorgin_mihail/svidetel_istorii.html. (In Russ.)
4. *Shalamov V.* Zolotaya medal'. – Available at: <http://shalamov.ru/library/5/22.html>. (In Russ.)
5. *Shalamov V.* SHturm neba // SHalamov V. Sobranie sochinenij. – T. 4. – Moskva: Terra, 2005. – S. 432. (In Russ.)

References

1. *Volkova E.* Tragicheskij paradoks Varlama SHalamova. – Moskva: Respublika, 1998. – 176 s. (In Russ.)
2. *Kan G.S.* Natal'ya Klimova: ZHizn' i bor'ba. – Sankt-Peterburg: Izd-vo im. N.I. Novikova, 2012. – 392 s. (In Russ.)

3. *Nichiporov I.B.* «Proza, vystradannaya kak dokument»: kolymskij ehpos V. SHalamova. – Available at: <http://www.litra.ru/critique/get/crid/00249901286819627116/>. (In Russ.)
4. *Ryklin M.* Klejmyonyj, no ne rab // Ryklin M. Svoboda i zapret. Kul'tura v ehposu terrora. – Moskva: Logos, Progress-Tradiciya, 2008. – S. 19-32. – Available at: http://www.booksite.ru/varlam/creature_02.htm. (In Russ.)
5. *Solov'yov S.* «Povest' nashih otcov». Ob odnom zamysle Varlama SHalamova. – Available at: <http://shalamov.ru/research/262/>. (In Russ.)
6. *Urvilov V.A.* Oppozitsiya «proshloe-nastoyashchee» v romane V.V. Veresaeva «V tupike» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2009. – № 5. – S. 286–292. (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.01.2019